

6. Беньямин В. О понятии истории // Новое литературное обозрение. 2000. № 46.
7. Тарковский А. А. Избранное. М.: «Художественная литература», 1982.
8. Речь идет о стихотворении Арсения Тарковского «Пауль Клее» («Жил да был художник Пауль Клее»).
9. Все фрагменты работ Пауля Клее даются в нашем переводе ЕГ, СП.
10. Знаменитое место из Послания Павла к Римлянам: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы, так что они безответны» (Рим. 1, 20).

Л. А. Горобец

ЦЕННОСТЬ БОГАТСТВА В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ: ПРОЦЕСС САКРАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена процессам сакрализации богатства в китайской традиции, ее путям, универсальным стратегиям и самобытным феноменам, таким как собственный пантеон, развитые символические системы и ритуальные деньги.

Ключевые слова: богатство, сакрализация, ритуальные деньги, культ предков, жертвоприношения, Китай.

Феноменология богатства отличается поразительным многообразием. Существующие определения этого понятия указывают на имеющиеся различия: по содержанию (материальные и духовные), по принадлежности (индивиду, группе или целому обществу), по величине и отношению к наличным потребностям и т. д. Вместе с тем, ключевым при определении «богатства», на наш взгляд, является аксиологическое ядро – «ценность». Его основанием служит потребность в источнике развития личности – направленном имманентном процессе, обладающим универсальным онтологическим статусом.

Аксиологическая позиция сближает понятия «богатства» и «сакральность». Последняя выступает как высшая ценность, качественная определенность которой координирует целостные аксиологические системы, характеризующие тот или иной культурно-исторический тип. Более того, именно системы ценностей во многом обуславливают и одновременно характеризуют самобытность того или иного

цивилизационного уклада, а уровень развития личности и общества – конкретное наполнение содержанием самого понятия «богатство».

В градации китайских ценностей богатство традиционно занимает весьма значимое место. Н. А. Спешнев отмечает, что до VI в. до н. э. богатство было органически связано со знатностью, но уже в «Книге истории» (Шуцзин), вошедшей в состав конфуцианского «Пятикнижия» перечислены «пять проявлений счастья», среди которых богатство уступает только долголетию [6, с. 271-272]. Таким образом, уже за несколько веков до новой эры богатство не только эмансипируется от власти, но рассматривается как доминирующая по отношению к ней ценность. Современные социологические опросы также демонстрируют устойчивость отмеченных феноменов.

Сакрализация – освящение, придание божественности тому, что изначально таковым не является, т. е. относилось к сфере профанного или нечистого, негативного духовного полюса. На примере сакрализации богатства в китайской культуре наглядно прослеживаются важнейшие механизмы этого процесса в их универсальном и самобытном аспектах.

К универсальным тенденциям относится «персонификация» – олицетворение и сакрализация социально значимых феноменов. Особое отношение к богатству выразилось в формировании специфической категории божественной сферы – божеств богатства (Цай-шэнь). По мнению ведущих отечественных специалистов, это происходит в XVI–XVIII вв. [4, с.103]. Основанием этому послужил развитый культ предков, сохранивший свою актуальность до нашего времени. Образ Бога богатства имеет несколько исторических прототипов. Б. Л. Рифтин отмечает, что все Цай-шэни, подобно чинам императорского Китая, подразделяются на гражданских и военных. Среди них легендарный герой древности Би-гань, увещевавший Чжоу Синя, жестокого правителя династии Инь. В конфуцианской традиции он стал олицетворением бесконечной преданности долгу и стойкости в убеждениях. К гражданским Богам богатства традиция причисляет знаменитого богача Поднебесной Ши Чуна (249–300 гг.). Он состоял на государственной службе, управляя целой областью, но состояние нажил на успешной торговле.

Прототипами военных Цай-шэней выступают знаменитые полководцы Гуань Юй, Го Цзы-и, Чжао Гун-мин («Главкомандующий Чжао Тёмной террасы»). Полководческий талант и благородство исторического Гуань Юя (160–219 гг.) сделали его героем народного эпоса, позднее он был включен в качестве одного из главных действующих лиц романа Ло Гуань-чжуна «Троецарствие». В качестве Бога войны

и богатства он до настоящего времени является одним из наиболее почитаемых в Китае. Го Цзы-и (697–781 гг.) был прославленным сановником и полководцем, его дом считался образцом семейного благочестия. Все его сыновья занимали высокие государственные посты, а один из них – Го Ай был удостоен руки одной из принцесс. Обычно Го Цзы-и изображается в окружении своих многочисленных домочадцев. Другой известный полководец Чжао Гунмин еще во времена Цинь бежал в горы, где долгие годы предавался самосовершенствованию, отличался справедливостью. Основной его функцией является способность избавлять своих владельцев от гнетущих и безнадежных долгов, также он воплощает собой решительное и успешное ведение дел. В отличие от Гуань Юя, обладающего красным лицом, Чжао Гунмин изображается с черным лицом, верхом на тигре. Первый вооружен изобретенной им глефой, второй – бьянем, оружием, напоминающим тонкий меч, похожий на бамбуковую палку. Существуют и другие божества и покровители богатства, культ которых имеет локальный характер. Иногда на народных картинках Цай-шэнь изображается вместе с супругой – Матушкой богатства (Цай-му).

В китайском народном пантеоне отдельно выделяется Бог богатства пяти дорог. Существуют несколько предположений о происхождении этого образа, его художественное истолкование представлено в пьесе известного драматурга XVII в. Чжан Да-фу «Радость Поднебесной». Согласно автору, Нефритовый император назначил на эту должность богача-благотворителя Ду Пина и его друзей, которые по смерти должны были продолжить свое дело – бескорыстную помощь всем нуждающимся. Некоторые связывают Бога богатства пяти дорог с нумерологической концепцией пяти первоэлементов (у-син) и духами – покровителями пяти направлений света, реже – в качестве обозначения пяти категорий домашних духов-хранителей. В связи с этим бытуют представления о Божествах богатства дорог или направлений света, в которых не выделяется какой-либо один персонаж, число их может достигать восьми. Бытует мнение, что божества богатства восьми дорог не только способны оказать помощь блуждающей душе усопшего, но и обеспечить процветание его потомкам во всех областях – «направлениях» деятельности.

В даосских монастырях Китая нередко устраиваются целые павильоны и залы, посвященные Цай-шэню. Так, в центральном монастыре школы Совершенной истины Байюньгуане (Храм Белого Облака) Пекина в зале Цай-шэня установлены скульптурные изображения трех божеств богатства. В центре располагается Би-гань, слева – Чжао Гунмин, а справа – Гуань Юй. Рождество божества богатства широко

отмечается в народе во время Праздника весны, в 5-й день 1-го лунного месяца, в даосских монастырях дата празднования его памяти – 15-й день 3-го лунного месяца. Статуэтки и изображения Цай-шеней встречаются повсеместно в частных домах, офисах коммерческих предприятий, мелких лавочках, парикмахерских, ресторанах и ремонтных мастерских. Бог богатства уверенно перешагивает границы, не редкость увидеть его алтари в ресторанах и на рынках русского приграничья. Согласно традиции, все божества богатства могут помочь в процветании бизнеса, а людям с добрым сердцем – быстро заработать деньги.

Важное место в культе богатства занимает даосское божество монет – Лю Хай, особо почитаемый на своей родине – городе Цанчжоу. Согласно легенде, он оставил службу при дворе после встречи с бессмертным Люй Дунбином, в лице которого обрел наставника. Став отшельником, Лю Хай бродил босиком, отличаясь эксцентричным поведением, а удаляясь в свою пещеру, брал в руки кисть, размышляя на возвышенные темы. Рецепт снадобья бессмертия Лю Хай получил от своего наставника в награду за поимку трехлапой жабы, в которую, согласно сказанию, вселился нечистый дух. Жаба сидела в колодце и попалась на монету, привязанную отшельником к своему поясу. Впоследствии она стала неизменным спутником Бога монет, входя в свиту Цай-шеня. Считается, что, исправляя свой грех жадности, она выплевывает монеты одну за одной, тем самым принося достаток и удачу своему владельцу. Существует множество рекомендаций по размещению фигурок Лю Хая и трехлапой жабы. В частности, последняя не должна помещаться напротив двери, чтобы она не выпрыгнула наружу, унося с собой богатство. Монета, которую жаба держит во рту, должна легко выниматься, имеет значение материал, из которого они изготовлены.

К свите Бога монет Лю Хая относятся бессмертные братья Хэ-Хэ («Согласие и Единение»). Согласно поздней народной легенде, записанной В. М. Алексеевым, они – братья от разных отцов, организовавшие совместное дело, обернувшееся крупной прибылью. Один из братьев присвоил себе всё богатство, что послужило жестокой вражде, только святой небожитель помирил их, превратив в бессмертных духов единения–согласия. Постоянные атрибуты Хэ-Хэ – лотос и разнообразные сокровища, как и у всех, причисленных к окружению Бога богатства.

В связи с рассматриваемой темой, нельзя не упомянуть о буддийском божестве богатства Сяофо, пользующемся поистине всенародной любовью за веселый характер и легкий нрав. Прообразом его послужил

китайский монах Цицы, предпочитавший монастырской аскезе многолюдные торжища и площади. Скитаясь по городам и весям Китая, монах зарабатывал на жизнь предсказанием погоды. Считается, что он является земным воплощением Будды Майтреи. Сяофо выделяется огромным животом, который не в состоянии прикрыть никакая ряса и таким же внушительным мешком. Согласно легенде, когда кто-нибудь из прохожих спрашивал, что находится в нем, монах отвечал: «Весь мир». В представлениях китайцев появление Сяофо также способно принести богатство, счастье и беззаботность.

Наряду с персонификацией богатства следует отметить другой порядок сакрализации. Назовем его условно «атрибутизацией», помещением того или иного предмета или явления в сакральный контекст, превращение его таким образом в атрибут сакрального. Это равно справедливо для различных, значимых для человека и общества, феноменов и широко распространено в большинстве культур. Святое воспринимается как всеблагое и благоподающее. Таким образом, обожествляется долголетие, целительство, воинские доблести и т. д. Богатство сопровождает образы святых и бессмертных Китая как в виде натуральных предметов – россыпей драгоценностей, слитков серебра и золота, монет и купюр, так и в символическом виде – дракона, составленного из монет, коня, приносящего сокровища, вазы с драгоценностями, древа сокровищ и т. д. Важное значение приобретает нумерологический код, который указывает на богатство и зачастую применяется в магических приемах его стяжания.

Персонификация и атрибутизация получили распространение у народов, принадлежащих к различным культурно-историческим типам и вероисповеданиям. Особенность Китая состоит в чрезвычайно важном месте богатства в системе ценностей, свойственных национальной психологии. В силу этого в китайской традиции богатство находит зримое воплощение в развитом культе, включающем собственный пантеон, нормативную обрядовость и особое магическое содержание. В совокупности с культом предков он участвует в формировании основ китайской духовности и специфики национального менталитета.

Самобытным явлением сакрализации богатства в Китае стали ритуальные деньги – деньги, специально выпускаемые с целью совершения церемонии жертвоприношения умершим, духам и некоторым божествам. В этом случае нам представляется обоснованным использование термина «фетишизации», в результате которой священное признается имманентным свойством предмета или феномена, изначально им не обладавшего.

Следует различать понятия ритуальных и жертвенных денег, так как в категорию последних могут быть включены денежные знаки, употребляемые или имевшие хождение в повседневном бытовом обращении. Практика снабжения усопшего необходимыми предметами обихода, драгоценностями и деньгами существовала в Китае задолго до новой эры. Известны захоронения знати, относящиеся ко второй половине II тыс. до н.э., которые содержали большое число натуральных раковин-каури, служивших в Древнем Китае первыми денежными знаками. Взгляды китайских исследователей по вопросу о времени появления ритуальных денег разноречивы и охватывают период с III по X в. Наиболее обоснованной является точка зрения Хуа Хайяня, относящего это событие к периоду Вэй цзинь нань бэй (220–589 гг.), предшествующему основанию династии Тан. Известно, что в эпоху Сун (960–1279 гг.) ритуальные деньги, изготовленные из бумаги, уже получили большее распространение, в сравнении с жертвенными. Существует мнение, что ритуальные деньги стали предшественниками реальных платежных документов, сыграв важную роль в создании в Китае первых в мире бумажных денег, относимых к той же исторической эпохе [1, с. 13].

Определяющим фактором, способствовавшим появлению ритуальных денег, мы считаем существование развитого культа предков, а также отсутствие противопоставления сакральной и профанной сферы, утверждение их подобия. Среди других условий их появления можно назвать следующие:

1) изобретение и развитие производства бумаги, а также ее высокая стоимость;

2) упрощение ритуала похорон и количества предметов, сопровождающих усопшего. Следует учесть, что в период социально-политических волнений (III–VI вв.), в захоронения перестают класть драгоценности, опасаясь разграбления;

3) развитие даосских и буддийских школ, популяризация их религиозных доктрин в широких слоях населения.

Сегодня ритуальные деньги можно приобрести в специализированных лавках, которые зачастую располагаются вблизи храмов и больниц. Их продают в даосских и буддийских монастырях, в специальных отделах супермаркетов и маленьких продуктовых магазинчиках. Накануне ряда традиционных праздников на улицах появляются многочисленные передвижные и стационарные лотки с ритуальными деньгами и предметами.

Китайские жертвенные деньги на протяжении веков были неотъемлемой частью религиозных обрядов, широко распространенных

в повседневной жизни общества. Внимание исследователей к этому феномену было привлечено давно, в ряде зарубежных и отечественных публикаций содержатся краткие упоминания об использовании ритуальных денег в связи с похоронным и поминальным обрядом [7, с. 306; 3, с. 191, 237; 5, с. 112, 128, 134; 2, с. 96–97]. Вместе с тем, его современные формы, значение и потенциал остаются малоизученными и требуют дальнейшего рассмотрения. С этой целью нами проведены полевые исследования в провинциях Сычуань, Хэйлунцзян, Цзянси и Пекине (2000–2013 гг.). Помимо наблюдений обрядов проводилось интервьюирование их участников. Для уточнения некоторых вопросов бытования традиционных жертвоприношений весной 2013 г. нами проведен социологический опрос в Наньчанском университете пров. Цзянси. В нем приняло участие 196 человек, анкетирование было ориентировано на молодое поколение, большинство респондентов было в возрасте до 30 лет – 170 человек (86,8%), законченное высшее образование имели 149 человек (76,0%).

Известно, что жертвенные деньги являются неотъемлемым компонентом культа предков, свойственного большинству архаичных культур. В основе его лежат анимистические представления о посмертной судьбе человека и соучастии усопшего в жизни своих потомков. Важная особенность религиозной жизни Китая – раннее исчезновение могущественного древнекитайского духовенства. Это препятствовало регрессу культа предков. К эпохе Конфуция исследователи застают устойчивую традицию, которая остается краеугольным камнем китайской духовности до настоящего времени. Предпринятая им этическая рационализация культа предков легла в основу официальной идеологии, за парадным фасадом которой скрывается сакральная стихия со своими мистическими откровениями, питаемыми глубоким религиозным чувством. Позднее, по мере становления и институализации даосизма, а также проникновения в Китай буддизма, архаичные представления получили дальнейшее развитие и проработку в рамках доктрин их школ. Каждая из них внесла свой вклад в эволюцию культа предков, оставив нетронутым его внутреннее концептуальное ядро.

Одновременно с сакрализацией государственной власти сходные тенденции происходили в широких слоях древнего общества. В частных домах появляются алтари с поминальными табличками предков, а главы родов и семейств берут на себя исполнение священных обязанностей, осуществляя живую связь поколений. В современном Китае такие алтари – редкость, в то время как ритуальные деньги приносятся в жертву повсеместно. Социологический опрос, проведенный нами, продемонстрировал, что регулярно отправляют дары своим умершим

родственникам более трети опрошенных – 71 человек (36,2%), из них 35 мужчин и 36 женщин. Еще 85 респондентов (43,4%) занимается этим эпизодически. Отрицают участие в обрядах только 21 человек (10,7%) и 19 человек (9,7%) затруднились с ответом. Таким образом, 156 опрошенных (79,6%) лично исполняли ритуальные обязанности по отношению к своим умершим родственникам.

Оценивая значимость отправления даров в мир иной, подавляющее число респондентов определило ее как культурную традицию – 90 человек (45,9%), а также способ помянуть усопшего – 54 (27,5%). Для 39 респондентов (19,9%) это «таинственное действие, в результате которого родственник действительно получит деньги». Пустой формальностью сожжение ритуальных денег и предметов назвали 11 опрошенных (5,7%).

Важнейшим поводом для проведения обряда сожжения ритуальных денег служит смерть близкого человека и осуществляется в течение всего периода прощания с усопшим. В комнате с телом устанавливается таз, в котором вновь прибывшие родственники сжигают пачки жертвенных денег. Огонь выполняет символическую роль универсального инструмента трансформации, распространенного в различных культурах. Вместе с тем, как было неоднократно упомянуто в ходе повествования, ритуальные деньги далеко не всегда сжигаются. Их подвешивают в доме, где проходит прощание с покойным, они могут вкладываться в гроб, а также – быть оставленными на могиле, чтобы другие видели, что у погребенного есть ныне здравствующие потомки.

По завершению погребения ритуальные деньги отправляются на 7, 21 и 49 и изредка на 100-й день после смерти, что связано с распространенными в Китае представлениями о загробной судьбе человека. В последующем переводы в потусторонний мир осуществляют в годовщину смерти, в нечетные дни недели, предшествующей празднованию Нового года по лунному календарю, а также в День поминовения усопших – праздник Цинмин, отмечаемый в апреле.

Принесение жертв усопшим происходит и в Праздник двойной девятки, который приходится на девятый день девятого месяца по лунному календарю. Отправление даров может осуществляться и в другие дни: круг жертвователей пополняется друзьями и сослуживцами покойного. Деньги сжигаются или на могиле – в светлое время суток, или на перекрестках дорог – в темное время, до наступления полуночи и начала следующего дня. Помимо этого, обряд может проводиться в специальных ритуальных печах даосских и буддийских монастырей, а также во множестве кумирен, расположенных, как правило, в сельской местности или пригородных зонах.

Во время проведения ритуала вместе с деньгами может сжигаться составленный отдельно для каждого случая сопроводительный документ, содержащий дату отправления, полное имя и адрес отправителя и получателя перевода. В ряде случаев в этих целях используется ритуальный пакет или необходимые сведения произносятся устно.

Пожертвования предназначены не только для обеспечения «бытового» благополучия усопшего, но и непосредственно на подкуп чинов преисподней, от которых зависит загробная судьба человека. Этот факт находит свои параллели в христианских представлениях о прохождении воздушных мытарств и богословском обосновании индульгенции на Западе и разрешительных грамот на Востоке. В связи с чем следует отметить мнение Э. Б. Тайлора, рассматривавшего поклонение святым в христианстве как своеобразную трансформацию древнего культа предков. Подкуп и задабривание подземных чиновников, отражая распространенную социальную практику, еще раз свидетельствует как в пользу ритуального бюрократизма китайцев, так и стремления установить неформальный контакт с потусторонними силами.

С другой стороны, особую задушевность ритуалу поклонения предкам придает диалог, устанавливающийся между ними и живущими поколениями. Человек, приносящий жертву, рассказывает усопшему родственнику новости, происшедшие в семье, на его работе, в знакомом окружении. Уточняются потребности умершего, его финансовое благополучие. При этом важна и обратная связь. Наши респонденты свидетельствовали о том, что можно задавать усопшему интересные вопросы, особенно если они касаются судьбы семьи и ее отдельных членов. Предки наделяются провиденческой функцией, которая, при надлежащем соблюдении обязанностей наследниками, должна способствовать процветанию рода. Считается, что ответ, нередко облеченный в символическую форму, должен обязательно прийти в ближайшее время. В этой связи следует отметить коммуникативное значение сна, пространство которого становится местом соприкосновения с инобытием, своеобразным «путем в мир предков» доступным каждому обывателю. Зачастую именно во сне умершие родственники способны предсказывать будущее и указывать на оптимальное решение стоящих перед живущими задач. Эти взгляды отражены как в многочисленных текстах старого Китая, так и в представлениях наших современников. В их снах непротиворечиво сочетаются реалии давно минувших времен с актуальными проблемами сегодняшнего дня.

Возвращаясь к диалогу, сопровождающему жертвоприношения, еще раз подчеркнем особую интимную атмосферу со-бытия живущих

и ушедших поколений создаваемую им. Такого рода переживания не имеют национальных ограничений, близки и понятны людям иных культур.

В связи с этим приведем интересные данные, полученные нами в ходе опроса. Полностью уверенных в получении адресатом отправленных денег и подарков оказалось 22 человека (11,2%), считают это вероятным большинство опрошенных – 104 (53,2%), выразили сомнение – 43 (21,9%), отрицают – 24 (12,2%). Не имеет значения данный факт лишь для трех опрошенных (1,5%). Необходимо подчеркнуть, что согласно бытующим представлениям, адресат получит перевод исключительно в том случае, если отправитель искренне верит в возможность этого.

Любовь, жалость, жертвенность, отнюдь не единственные чувства, сопровождающие смерть. Обратной ее стороной являются неприятие, страх, отвращение. Не случайно наряду с культом предков, который включает ритуал жертвования денег, широкое распространение в Китае получает тесно связанный с ним культ неупокоенных (голодных, темных) духов. К ним относятся души умерших насильственной смертью, нищих и всех, оставшихся без наследников, усопших. Бездетность усопшего становилась проклятием всего рода. Не случайно в старом Китае бытовал весьма своеобразный обряд – «брак умерших», сопровождавший усыновление чужого ребенка и восстанавливающий целостность семейной генеалогии.

С неупокоенными духами китайцы связывают возникновение разнообразного вреда и бед. Среди них – болезни. Так считала героиня повести «Не было сна на мосту Се» современного писателя Е Гуанцзиня, матушка Лю. Другой характерный пример находим в произведении Чэнь Инсун «Почему кричит сойка?»: «Бо Вэй погнал стадо в уезд на продажу, на обочине восемнадцатого поворота он увидел, как водитель сжигает ритуальные деньги с желтыми наклейками. Он спросил, не здесь ли перевернулась машина, которая унесла жизни молодой пары. В том месте была устроена могила для парня и девушки. Шофер сказал, что если не сжечь ритуальных денег, то машина на подъеме обязательно заглохнет. Он добавил, что все водители, мчащиеся по этой дороге, проезжая это место, сжигают ритуальные деньги, иначе погибшая пара начинает колдовать, и машина глохнет» [8, с.47]. Таким образом, в народном сознании до сих пор широко распространены представления о влиянии духов на повседневную жизнь людей, что нашло отражение в приведенных литературных примерах.

В большинстве случаев жертвоприношения осуществляются самостоятельно, без привлечения представителей религиозных институтов. Вместе с тем отсутствие желаемого эффекта может стать побудительным мотивом обращения к помощи даосов, буддийских монахов

и представителей различных синкретических направлений народной религии. При анкетировании четверть респондентов – 49 человек – периодически обращалась к представителям религиозных институтов для проведения жертвенных обрядов. Среди них, к буддийским монахам – 29 человек (14,8%), даосам – 16 (8,2%), представителям других конфессий – 4 (2,0%).

Культ неупокоенных духов носит отчетливый охранительный характер. Вместе с тем, среди населения бытуют взгляды, об их могуществе, к которому в случае необходимости можно обратиться и попытаться заклисть. В Китае повсеместно сохранилась традиция использовать жертвенные деньги на Празднике голодных духов, который приходится на 15 число седьмого месяца лунного календаря. Считается, что в этот день врата преисподней открываются, и духи начинают бродить по земле. В отличие от праздника Цинмин, когда живые навещают усопших, в День духов мертвые являются среди живых.

Следует отметить, что ритуальные деньги не принято хранить в доме. При сожжении денег на улице вокруг сложенных пачек очерчивается круг, в который, по бытующим представлениям, не могут проникнуть темные силы. Для них, как правило, сжигается немного средств снаружи черты. При этом голодным и нечистым духам жертвуют ритуальные средства низкого качества.

Осознание смерти и трагичности собственного бытия создает необходимое напряжение, сообщая динамизм всему человеческому существованию. Наряду с позитивной ролью, эти переживания могут достигать предельной интенсивности, угрожая личности самыми разрушительными последствиями. Разрешение этой атмосферы, своеобразный катарсис находит свое воплощение в сакральной игре. В этой перспективе мы рассматриваем тесную взаимную связь культов предков и богатства, как неотъемлемую составляющую китайской повседневности. Забвение генетической связи игры и обряда выхолащивает ритуал, делая его безжизненным и отчужденным от масс.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что применение ритуальных денег намного шире собственно похоронно-поминальных обрядов. Оно затрагивает разнообразные аспекты человеческой жизни: здоровье, успех в бизнесе и других делах, экзаменационные испытания и свадьбу, отношение с окружающими и внутренний лад семьи. Любое из событий, относящихся к этому перечню, может послужить поводом для сожжения денег, и настоящий список далеко не полон.

В рамках культа богатства небесные активы и жертвенные деньги играют особую роль. Существует много предписаний и детальных рекомендаций, призванных привлечь достаток. Наиболее простые

приемы и ритуалы широко известны и могут проводиться обывателями самостоятельно, но как считают в народе, эффективность их мала. Для того, чтобы получить более надежный результат, приглашается мастер, специализирующийся на данных обрядах. Нередко он использует амулеты и заклинания.

В ряде провинций накануне празднования Нового года хозяин, закрывая двери своего магазина, зажимает ими ритуальные деньги с целью в новом году получить такой доход, чтобы деньги заполнили собой все помещение и даже немножко высывались из двери наружу.

В последнее время магия денег получила распространение за рубежом, в том числе и в России. В популярной литературе и на страницах Рунета, посвященных эзотерике и фэн-шуй, нетрудно найти рецепты быстрого обогащения. Сами ритуальные деньги можно приобрести в китайском интернет магазине Таобао/Taobao (<http://vivatao.com>).

Поиск рационального зерна этих практик позволяет связать приемы симпатической магии с современными психотехническими методами. В их основе заложены принципы опосредованного указания на объект или понятие, которое проникает прямо в подсознание, особым образом «программируя» поведение.

Наблюдение за современными проявлениями культа предков позволяют нам увидеть его существо – желание человека заковать неподвластную ему стихию смерти. На наш вопрос «Оказывает ли отправление жертвенных даров влияние на судьбу Вас и вашей семьи» утвердительно ответило 50 участников исследования (25,5%), из них: благодаря укреплению социальных связей – 20 (10,2%), благодаря воспитательному воздействию на подрастающее поколение – 20 (10,2%), благодаря прямому влиянию умерших родственников на судьбу своих потомков – 10 (5,1%). Допустили такую возможность 88 человек (44,9%), отрицали – 34 (17,3%) и затруднились ответить – 24 (12,3%).

В наши дни ритуальные деньги продолжают оставаться одним из наиболее актуальных элементов в культуре современного Китая. При этом культ предков продолжает играть ключевую роль в организации его духовной жизни. Отсутствие категоричного противопоставления профанного сакральному обуславливает характерные особенности обрядовой деятельности китайцев: натурализм, бюрократизм и практицизм ритуала. Отмеченная специфика базируется на доминировании отождествляющих стратегий мировосприятия, основанных на имманентных представлениях сакрального, а также личной вовлеченностью в выполнение священных обязанностей, преобладанием индивидуального магического опыта над коллективными формами, осуществляемыми в рамках религиозных институтов.

Практическое употребление ритуальных денег, связывая воедино несколько традиционных культов, является «цементирующим раствором» повседневной религиозной обрядности. В каждом из них доминирует одна из трех ипостасей ритуальных платежных средств: обмена в культе предков, отражения – оберега в культе неупокоенных духов и «обмана» – священной игры в культе богатства. Представляя собой синтез духовной и материальной культуры, ритуальные деньги стали одной из наиболее употребительных форм частной обрядовой практики. Этим, в частности, обусловлены интенсивное развитие и многообразие этого феномена, который может рассматриваться в качестве дополнительного источника для изучения религии и культуры современного Китая.

Подводя итог, следует ещё раз отметить, что значительная роль богатства в системе китайских традиционных ценностей нашла свое отражение в широкой и разнообразной практике его сакрализации. Таким образом, еще раз была продемонстрирована целесообразность и методологическая состоятельность аксеологического подхода в изучении природы сакрального, его социальной и культурно-исторической обусловленности. Изучение процессов освящения позволила нам выделить основные пути его реализации: персонификацию, атрибутизацию и фетишизацию богатства. Являясь универсальными стратегиями, они принимают участие в формировании самобытной сакральной сферы в границах конкретной культурной традиции. Дальнейшее ее исследование во всем существующем многообразии позволит глубже понять особенности духовной жизни нашего соседа, способствовать взаимопониманию и культурному диалогу между Россией и Китаем.

Библиографический список:

1. Балаченкова А. П. История бумаги и бумажного производства: учебное пособие и хрестоматия. СПб.: изд. СПбГТУРП, 2011. 52 с.
2. Вэнь Цзянь, Горобец Л.А. Погребальные традиции и даосизм в современной деревне Юго-Западного Китая // «Религиозный мир Китая». Альманах. 2003. М.: Издательская группа «Муравей», 2003. С. 95–98.
3. Георгиевский С. М. Принципы жизни Китая. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1888. 494 с.
4. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. Лит., 2006. Т. 2: Мифология. Религия. ред. М.: Л. Титаренко и др., 2007. 869 с.
5. Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2010. 544 с.

6. Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2011. 336 с.
7. Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре / Пер. с англ. Д. А. Коропчевского. Смоленск: Русич, 2000. 624 с.
8. Чэнь Инсун Почему кричит сойка? // Современная китайская проза. Багровое облако: антология составлена Союзом китайских писателей. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2007. С. 7–85.

А. А. Девяткова

ПРОБЛЕМА СИНКРЕТИЧНОСТИ ПЕРВОБЫТНОГО СОЗНАНИЯ НА ОСНОВЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА МИФОЛОГИЧЕСКОГО И «НАУЧНОГО» ТИПОВ МЫШЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Проблема синкретичности первобытного сознания сложна. Вокруг нее ведется научная полемика. Для осмысления проводится сравнительный анализ мифологического и «научного» типов мышления древнего человека, оценивается специфика каждого из них, выявляются сходства и различия. Сравнение проводится на примере данных, относящихся к периоду верхнего палеолита.

Ключевые слова: мифология, первобытное сознание, типы мышления, синкретизм, специфика мифологического освоения мира, коллективное сознание, антропоморфизм, «наука» в древности, эпоха верхнего палеолита.

Творческая деятельность людей первобытных обществ не ограничивается лишь одним мистицизмом. «Не существует двух форм мышления у человечества, одной – пралогической, другой – логической, отделенных одна от другой глухой стеной, а есть различные мыслительные структуры, которые существуют в одном и том же обществе и часто, быть может всегда, в одном и том же сознании» [5, с. 8] – утверждает Л. Леви-Брюль. Причем первобытное мышление Леви-Брюль считал пралогическим, т.е. предлогическим или неразвитым логическим, но не алогичным. Эта идея конструктивна, ее можно принять в качестве исходной для выявления сущности и специфики мифологии при сравнении с другими типами мышления.

С древних времен человек обращал свой взор к небу. Так появились, по меткому выражению П. В. Щеглова, «отраженные в небе мифы Земли».